

НАТАЛЬЯ ОТРЕШКО,

доктор социологических наук, доцент кафедры социальной политики Института социальной работы и управления Национального педагогического университета имени М.П.Драгоманова

Идеология социальной политики современных государств

Аннотация

В статье анализируется идеологический дискурс современной социальной политики как интерпретационные рамки, с помощью которых агенты государства воспринимают социальную реальность и возможности ее усовершенствования. Концептами, определяющими этот дискурс, могут быть концепты биовласти и высокого модерна. Интенция власти контролировать большинство социальных практик приводит к идее социальной политики, которая посвящена стандартизации и рационализации социальных практик. Данная политика имеет свои ограничения контроля, поскольку не учитывает в должной мере неформальных социальных процессов и многообразия практик приспособления к условиям современного общества.

Ключевые слова: идеология, идеологический дискурс, социальная политика, биовласть

Идеология как форма мировоззрения занимает особое положение по отношению к социологической науке. Чаще всего в западной критической теории общества идеология противопоставлялась научному взгляду на социальную реальность. Можно констатировать, что идеология является одним из самых оспариваемых понятий в пространстве политической теории. Понятие идеологии связывалось леворадикальными исследователями с идеей ангажированности социального знания властными структурами. Речь шла о противопоставлении научной картины социального мира, сформированной независимыми исследователями, и идеологической как ложной, искаженной картины, сформированной в интересах властной элиты и политических структур. Такой взгляд на идеологию как форму ложного сознания

был сформирован еще в классическом марксизме и позднее использован в 60-х годах XX столетия критической социальной теорией. Однако идеология может рассматриваться и в более широком контексте — в этом случае она становится дискурсом по поводу общества и государства.

К концу XX века постмодернизм, неомарксизм, фрейдизм и новые достижения в сфере лингвистики сделали теоретическую рефлексию идеологии более изощренной. Изучение идеологического мышления превращалось в акты декодирования смысла, а не просто раскрытия ложной сущности, которая должна быть отброшена. Например, в работах К.Лефорта идеологический дискурс рассматривается как дискурс социальности в пространстве секулярного мира, лишенного выхода в трансцендентность. Отсюда замкнутость социальности на самой себе порождает смысл идеологического дискурса в индустриальном и постиндустриальном социальных пространствах [Лефорт, 2007]. Опираясь на работу современного российского исследователя Г.Мусихина [Мусихин, 2013], можно выделить ряд отличительных черт идеологии как одного из дискурсов, функционирующих в современных обществах.

1. Идеологический дискурс представляет собой интерпретационные рамки, с помощью которых индивиды выстраивают отношение к реальности общества.
2. Данные рамки возникают в ходе практического “перевода” идей, коллективных верований на язык политических понятий.
3. Идеологический дискурс должен быть понятен не отдельным индивидам, а доступен для понимания представителям социальных групп или общества в целом.
4. Для формирования понятного всей группе идеологического дискурса важен образ “чужого”, который в данном случае не просто “другой”, а является воплощением “возвышенной сущности Зла”, которое угрожает групповому Благу. В этом случае важно отсутствие знаний о реальном “чужом”, которое проявляется чаще всего как отсутствие потребности в таком знании.

В целом идеологический дискурс — бескомпромиссный способ обоснования действительности, который может игнорировать внутреннюю непоследовательность верований именно в силу своей бескомпромиссности. Парадокс идеологической позиции в том, что как таковая она обычно не осознается. Идеологизирован всегда кто-то другой, кто использует свою идеологию как обман. Правые критикуют левых за их идеализм и отрыв от реальности, левые критикуют правых за их идею несуществующей социальной солидарности всего общества. И те, и другие исходят в своих идеологических позициях из понимания реальности “как таковой” и оправдывают свои верования тем, что “это и так всем понятно”, что их идеи исходят из “само собой разумеющегося”. Логически и рационально обосновать идеологию практически невозможно, зато она создает понятную и эмоционально привлекательную картину мира, в которой “мы” — разумные, наделенные возвышенным духом, ответственные и имеющие идеалы граждане — противостоящим “им” — развращенным, непоследовательным, циничным, недостойным членам общества.

От короткого описания сущности идеологии как дискурса перейдем к анализу идеологии социальной политики современных государств. Целью

данной статьи является уточнение общих идеологических рамок, заложенных во всех моделях социальной политики. Обозначение таких рамок возможно через два концепта — концепт биовласти и концепт идеологии высокого модерна. Рассмотрим гипотезу: идеологической основой современной социальной политики являются принципы высокого модерна, утверждение которых сопровождалось трансформацией традиционной власти домодерных обществ в биовласть, доминирующую в индустриальных обществах.

Понятие “биовласть” принадлежит М.Фуко, однако суть ее отличия от традиционной власти лучше всего косвенно была проанализирована в работе “Vita active, или О деятельной жизни” Х.Арендт [Арендт, 2000]. В данной работе Х.Арендт обращает внимание на то, что не столько публичная жизнь, сколько индивидуальная биологическая жизнь все больше превращается в центр современной политики. Ссылаясь на классическую античную политическую мысль, труды Платона и Аристотеля, Х.Арендт отмечает, что разделение пространства человеческой жизни на частную сферу и публичное пространство впервые возникает в античном городе-полисе. В частной жизни, центром которой были домохозяйство и семья, происходило продолжение рода и основная экономическая деятельность античности. Ей в сознании греков противостояла жизнь в публичном пространстве полиса как вторая жизнь, более достойная для свободного человека. Частная жизнь фактически могла быть приравнена к *zoé*, к биологической жизни рода и определялась как пространство необходимости и зависимости [Агамбен, 2011]. Политическая жизнь (*βίος πολιτικός*) была возможна только для людей, наделенных логосом, способных решать вопросы, не прибегая к насилию, с помощью риторики рациональной аргументации, и определялась как пространство свободы. С точки зрения Х.Арендт, вытеснение публичного социальным в массовом обществе происходит как эмансипация процесса жизни в его разнообразнейших формах, выведение ее из частной сферы в социальность. Жизнь как продолжение рода, как биологическая и экономическая жизнь постепенно заменяет в политике принципы публичности. В массовом обществе политическое поведение представителей большинства групп считается предсказуемым и подчиненным устойчивой системе норм общества. Для изучения типичных форм группового социального поведения в конце XIX века создаются две науки: политэкономия и социология. Их техническим инструментом становится статистика — наука, основанная на законах больших чисел. Политическая жизнь в массовом индустриальном обществе становится рутинной практикой для социальных инженеров и бюрократов-функционеров, а не местом для свободного поступка, как это понимали античные философы. Биовласть как власть над телами и контроль здоровья населения проявляет себя как дисциплинарная власть в индустриальном обществе. Можно сказать, что именно эта интенция власти контролировать большинство социальных практик приводит к идее социальной политики как политике, не только разрешающей наиболее болезненные социальные вопросы, но и политике, посвященной стандартизации и рационализации традиционных народных обычаев и способов жизни.

До становления нового индустриального типа общества государство не имело информации по многим важным вопросам. Часто вмешательство такой малоинформированной государственной власти в жизнь подданных было непродуктивно и губительно, но, с другой стороны, позволяло поддан-

ным уклоняться от реального контроля со стороны власти. В новом типе общества численность населения возрастает, усложняются не только способ производства, но и социальные практики. Поэтому все более возрастает необходимость в стандартизации разных видов информации (переписи населения, категории и методы статистики, демографии, а позднее социологии). Это с неизбежностью приводит к формированию схематичного и упрощенного, в силу своей узкой прагматичности, взгляда государственного чиновника на социальную реальность. Но это расширяет возможности государства вмешиваться в жизнь граждан более эффективно, организовывать санитарно-гигиенические мероприятия, политическую пропаганду, помощь бедным, то есть организовывать социальную политику.

Индустриальное социальное пространство, формирующееся в Новое время в Западной Европе и позднее — в США, было более динамичным, чем средневековое социальное пространство. Как пишет К.Лефорт, во всех доиндустриальных обществах способ производства консервативен; “при капитализме консервативна идеология, обязанная скрывать революцию, живущую в способе производства” [Лефорт, 2007: с. 292–293]. Изменения, связанные с промышленной революцией, сопровождаются изменениями в сфере знания о социальном и в идеологии. Если в Средневековье идеология была связана с сакральным церковным знанием, источник власти определялся как трансцендентный и социальность трактовалась как мир земной власти, подчиненной власти высшего Божественного начала, то в индустриальном обществе картина социального мира меняется. Под влиянием процесса секуляризации социальность расколдовывается, источник власти помещается не вне, а внутри социального пространства, и различные социальные силы вовлекаются в процесс постоянной борьбы за власть. Для объединения более динамичного и разнородного социального пространства формируется идеологический дискурс, в котором уживаются идеологически разнообразные картины социального мира: консервативные, либеральные, социалистические, анархические. При всей кажущейся разнородности идеологий основной функцией, которая их объединяет, есть функция сокрытия социальных различий, формирование единой плюралистичной картины общества, где есть место для удовлетворения потребностей всех социальных групп на основании свободной экономической конкуренции. Понятно, что в этих условиях единый идеологический образ индустриального общества несет в себе противоречия. Попытка заполнить пробелы общего дискурса принуждает к “последовательному обращению к разнородным, логически несовместимым схемам объяснения, даже тогда, когда со всей очевидностью преобладает определенный образец” [Лефорт, 2007: с. 295].

В динамичном социальном пространстве борьбы групповых интересов крайне затруднительна идеологическая работа по “затемнению” социальных различий. Такое “затемнение” в идеологическом дискурсе возможно только через формирование некоей рационализированной картины социального мира, когда эта картина выдается за саму суть социальной реальности. Рациональность Просвещения формирует в идеологии индустриального общества универсальный смысл для всех социальных групп. Если в религии образ Единого трансцендентен, поэтому не нуждается в дополнительном обосновании, то идеология, напротив, нуждается в ее рационализации для поддержания внутреннего единства в обществе. Развитие социальных и по-

литических наук связано с тем, что идеологическому дискурсу индустриального общества были необходимы рациональное выражение и саморефлексия. Без научного анализа идеологический дискурс не мог проверять свою связь с постоянно меняющейся социальной реальностью, что грозило ему утратой конкурентоспособности в символическом поле борьбы.

От консерватизма до анархизма сохраняется в идеологическом дискурсе одна и та же модель: воздвигается корпус предписаний, применение которых является условием знания и действия для всех социальных групп. Таким образом, идеологический дискурс строит картину социального мира всегда с позиций высших идеалов, предполагая, что эти идеалы никогда не воплотятся в жизнь, но они создают идеальную цель, образ справедливого общества, к которому следует стремиться. Представители интеллектуальной элиты, формирующие идеологический дискурс, изначально ставят себя в позицию учителей и пророков, носителей и проповедников правил справедливого социального мира для всех слоев индустриального общества. Во всех идеологиях сохраняется мысль об учителе и хранителе социальных связей, отличающихся хрупкостью. Социальный порядок утверждается не сам по себе: его поддерживает власть, контролирующая и координирующая противоречивые процессы в обществе и не дающая разразиться революции и хаосу.

Социальное в идеологии возникает тогда, когда исчезает или прикрывается выход к трансцендентному источнику власти — социальное пространство замыкается на себе самом. На смену религиозной картине мира приходит идеологическая. С этого момента социальное проясняется из самого социального, не требуя при этом обращения к высшим силам. Общество стало объектом, которым государство могло управлять и преобразовывать его с целью усовершенствования. Прогрессивное национальное государство приступает к проектированию общества согласно наиболее продвинутым стандартам новых моральных наук. Существующий социальный порядок, который более ранние государства принимали как данность, впервые стал предметом активного управления, воспроизводя себя под бдительным присмотром государства.

Необходимо особо подчеркнуть, что в идеологическом плане первая концепция социального государства была порождением консервативной мысли, а создатель ее — Лоренц фон Штейн — был ярким представителем консервативного направления в науке и политике. Известно, что консерватизм возник как реакция на Великую французскую революцию 1789 года и подготовившие ее идеи Просвещения. Исходным пунктом консервативной мысли всегда была установка на недопустимость революционных перемен, угрожавших основам существующего режима. В призывах к переустройству жизни консерваторы видели опасное прожектерство, идущее вразрез с реальностью. Один из основных принципов консерватизма — это опора на существующую действительность. Позиция немецких консерваторов была не столько охранительной, направленной на блокирование каких бы то ни было изменений и преобразований, сколько эволюционистско-реформаторской. Целью концепции социального государства Л. фон Штейна стал поиск способов устранения возникших в раннем индустриальном обществе противоречий средствами самого государства. Первостепенную важность приобретало решение “социального вопроса”, обострение которого представляло главную опасность для стабильности общества. Л. фон Штейн опреде-

лил “социальный вопрос” как “рабочий вопрос”, как проблему пауперизма. Именно пауперизм (обнищание народных масс и тяжелые условия труда), а не политические идеологии, являются причиной новых революций.

Определяя сущность социального государства, Лоренц фон Штейн писал: государство “обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов и для отдельной самоопределяющейся личности благодаря своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве” (цит. по: [Кочеткова, 2012: с. 26]). Данное определение социального государства считается классическим.

Социальное измерение формируется с помощью социальной политики, реализуемой каждым государством в различных формах в зависимости от уровня его социально-экономического развития и положения в международном пространстве. Начиная с О.Бисмарка, Дж.М.Кейнса, Л.Эрхарда концепция социально-ориентированного рыночного хозяйства напрямую связывалась с необходимостью достижения социального контракта между государством, бизнесом и обществом. Обычно выделяют четыре базовые модели организации социальной политики в европейских странах [Социальная Европа, 2011: с. 22–25], отражающие разную степень вовлеченности и ответственности государства, бизнеса, общественных организаций, частных фондов, местных органов власти и трудящихся, а также разные способы формирования фондов для покрытия расходов в социальной сфере: континентальная, или бисмарковская модель подразумевает активное участие государства в формировании социальных фондов и их функционировании, а также обязательное медицинское страхование и страхование на производстве; социал-демократическая, или скандинавская модель основывается на принципах перераспределения доходов через всеобщее прогрессивное налогообложение и требует активного участия государства в организации и обеспечении социальных служб; южная, или латинская модель в странах Южной Европы отличается относительно низким уровнем социальной защиты и малой вовлеченностью государства в социальное обеспечение; универсальная, или либеральная модель представлена в Великобритании и Ирландии, где ограниченный объем социальных прав, главным образом в здравоохранении, предоставлен всем гражданам и резидентам и финансируется из государственного бюджета. Для стран континентальной модели (Австрия, Германия, Бельгия, частично Италия, Нидерланды, Франция, Люксембург) характерен существенный вклад трудящихся и работодателей через систему страхования и обязательных отчислений в социальные фонды. В Скандинавских странах заметно участие государства в перераспределении доходов через прямое налогообложение.

Все вышеуказанные модели социальной политики основываются на идеологии высокого модерна. Основные принципы этой идеологии были изложены в работе Дж.Скотта “Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни”. Возможно, анализ преимуществ и недостатков данной идеологии позволит прояснить проблемы современной социальной политики. Идеология высокого модерна основана прежде всего на вере в возможность вмешательства в природный и социальный порядок вещей. Это вмешательство производит-

ся в целях благоустройства природы и усовершенствования социального порядка. Высокий модерн — “идеология преимущественно бюрократической интеллигенции, техников, планировщиков и инженеров. Их положение подразумевает не только права и привилегии, но также и ответственность за великую работу создания нации и социального преобразования” [Скотт, 2005: с. 160]. Как справедливо отмечает Дж. Скотт, прежде чем критиковать данную идеологию, следует вспомнить, что, во-первых, “практически каждое высокомодернистское вмешательство в социальной политике было предпринято при поддержке граждан, ищущих помощи и защиты, а во-вторых, все мы так или иначе испытали на себе благотворное влияние различных высокомодернистских систем” [Скотт, 2005: с. 161–162]. Особенно позитивные результаты социальной политики получаются, когда бюрократическое рвение по реорганизации общества корректируется организованным гражданским обществом в условиях развитой демократии и либерализма.

Недостатками данной идеологии являются сами масштабы социальной политики. При крупномасштабном планировании социальных процессов с неизбежностью происходит пренебрежение частностями, которые чаще всего и составляют существо реальной социальной жизни. Стремление к рационализации и утилизации всех социальных процессов не учитывает разнообразия социальных практик, пытается переформатировать опыт, традиции, навыки выживания простых людей. Пренебрежение бюрократов к маргиналам, неформальным практикам населения — один из главных недостатков рациональности государственного управления. “Многие современные города, причем не только в странах третьего мира, выживают за счет трущоб и незаконных самовольных поселений, жители которых обеспечивают основными жизненно важными услугами остальных” [Скотт, 2005: с. 558]. Агенты социальной политики могут многое в области планомерного распределения ресурсов и стратегического планирования, но часто рациональные планы государства терпят крах, поскольку не учитывают неформальных социальных процессов, которые современное государство, безусловно, может контролировать, но в принципе не может искусственно создавать и поддерживать.

Какие же существуют пути усовершенствования современной политики, если учесть недостатки ее базовой идеологии? Основной вывод состоит в том, что любое управление социальными процессами не может быть тотальным, иначе говоря, невозможно достичь полного контроля над любым типом общества. Исходя из этой простой мысли, в современных условиях следует постепенно менять стереотипы мышления государственных служащих, которые часто забывают о том, что возможности воплощения их стратегических планов ограничены. Эти ограничения связаны с тем, что формальные системы вмешательства социальной политики в реальность с помощью социальной инженерии являются только одним из типов социальных систем, поэтому зависят от успешного взаимодействия с другими подсистемами, основанными на неформальных практиках. Процессы глобализации и экономический кризис западных стран бросают вызов моделям социальной политики, которые были успешны до 70-х годов XX века, но сегодня требуют существенного усовершенствования. Изменения в подходах к социальной политике неизбежно приведут к изменению их концептуальных идеологических рамок, трансформации рациональности высокого модерна.

Источники

Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Агамбен Джорджо. — М. : Европа, 2011. — 256 с.

Арендт Х. Vita active, или О деятельной жизни / Арендт Ханна. — СПб. : Алетейя, 2000. — 437 с.

Кочеткова Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве / Кочеткова Л.Н. — М. : ИНФА-М, 2012. — 216 с.

Лефорт К. Формы истории: очерки политической антропологии / Лефорт Клод. — СПб. : Наука, 2007. — 341 с.

Мусихин Г. Очерки теории идеологии / Мусихин Глеб. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 288 с.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Скотт Джеймс. — М. : Университет. книга, 2005. — 568 с.

Социальная Европа в XXI веке / под ред. М.В. Каргаловой. — М. : Весь Мир, 2011. — 528 с.